

Е. В. Рихтер

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА СЕТУ

Формирование сету как этнографической группы эстонского народа протекало в западных волостях Псковского уезда¹. Сету были православными, однако местные священники (за редким исключением), не понимая языка своей паствы, могли требовать от нее лишь формального выполнения церковных предписаний и обрядов. Фр. Р. Крейцвальд, совершивший в 1847 г. поездку по сетуским деревням, отмечал: «Уже при мимолетном взгляде на этих людей убеждаешься, с каким железным упорством они цепляются за старину. При том, что они православны и длительное время находились под влиянием русской культуры, они устойчиво сохранили и свою одежду, и язык, и обычаи... по предрассудкам они могут соревноваться со своими предками 600-летней давности, у них легко можно было бы ввести преследование ведьм»².

Элементы дохристианских верований и языческой обрядности сохранились и в хозяйственной деятельности, и в сфере важнейших событий семейной жизни, в первую очередь в похоронно-поминальной обрядности. Правда, к концу XIX в. известные догмы православия уже утвердились в народном сознании: представления о рае и аде, иерархия святых, культ некоторых из них. Синкретический комплекс религиозных представлений у сету имел примерно тот же характер, что и у русских крестьян Псковщины. Но древнейший пласт верований и обрядности сохранился у сету несколько отчетливее, чем у соседних русских и эстонских крестьян, даже при наличии множества аналогий, скажем в погребальной обрядности.

* * *

Наиболее благоприятным временем для умирающих считалась пасаха, когда открыты ворота в рай. Самым плохим — время постов, великого и рождественского, когда все небесные ворота закрыты. Хорошо умереть на рассвете, в это время душу поджидают другие умершие, вечером же и душу никто не ждет, и небесные ворота закрыты. Внимательно выслушивались пожелания умирающего относительно погребальной одежды, еды на поминках, в частности животного, которое следовало заколоть для поминок. Присутствие близких около умирающего считалось обязательным, даже если он гнал их от себя. Сету объясняли это тем, что другие мертвые могли спросить душу умершего: «Почему

¹ Западная граница расселения сету вплоть до 1920 г. совпадала с границей между Псковской и Лифляндской губерниями. После 1944 г. основная часть территории, населенная сету, отошла к Эстонской ССР, лишь незначительное число сетуских деревень находится в Печорском районе Псковской области.

² Fr. R. Kreutzwald. Maailm ja mõnda. Tallinn, 1953, lk. 108.

ты сбежал?» Нельзя было шуметь во время агонии, тревожить душу, которая «на ниточке на шее висит»; полагали, что при шуме человеку трудно умереть. Умиравшего оставляли в постели либо переносили на боковую пристенную лавку, под образа. Как только наступала смерть, на подоконник ставили чашку с чистой водой, вешали полотенце, «чтобы душа ополаскивалась». Таким способом деревня оповещалась, что в доме покойник. Прекращались громкий гсвор, веселье молодежи, некоторые виды работ: топка бани, стирка, даже молотьба хлеба, оставшегося немолоченным на колосниках риги. Сразу звали двух мойщиков соответственно полу умершего — мужчин или женщин. Мыли

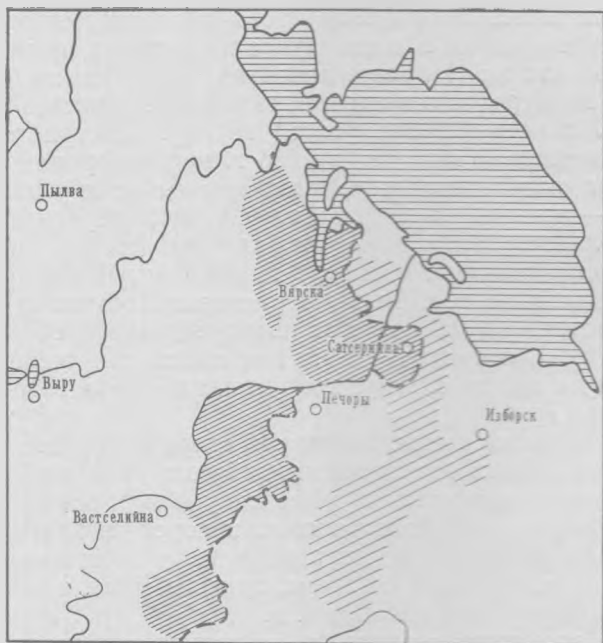

Рис. 1. Расселение сету

умершего, положив его на ржаной соломе, расстеленной на полу избы близ печи, ногами к двери. В специальный горшок наливали теплую воду для обмывания, обмывали тело покойника веником, насухо вытирали. Воду затем выливали в чистое место двора, которое «не топчут ни скотина, ни люди», а солому, веник и горшок вешали для просушки на ограду. Мыло сохраняли, поскольку считали, что оно приобрело колдовские свойства.

Умерших обычно одевали в то платье, в котором они при жизни ходили в церковь, однако если умирала молодая женщина, на нее надевали рубаху с тканым узором на рукавах, на старую — без узорного тканья. На ноги всем натягивали белые шерстяные носки, новые постолы без завязок. Женщинам покрывали голову платком, завязанным на один узел. Если покойнику приходилось готовить новую одежду, старались шить ее без узлов. Мойщики перекладывали одетого умершего на носилки, которые ставили на лавку. Под голову ему клали веник, на грудь — иконку. В избе зажигали лампадку. В теплое время покойника выносили из избы в клеть или на гумно, где он и лежал на носилках до дня похорон («три дня закон быть ему в гостях дома»).

Для каждого умершего изготавливали новые носилки (*lautsi*), представлявшие собой непрочное сооружение из двух жердей или реек, поперек которых приколачивали четыре-пять коротких дощечек или реек. В Печорском районе пожилые сету вспоминают еще более примитивное

устройство: две жерди, связанные веревками (умершего клали с носилками на лавку). Иногда концы жердей или реек, служившие ручками носилок, обвязывали красной шерстяной пряжей.

К умершему, как и повсеместно в Эстонии, каждый вечер собирались жители деревни. Ему клали свечные деньги на грудь, сидели, тихонько разговаривали, читали псалтырь, если находился грамотный,— «сторожили умершего». Старики оставались здесь на всю ночь.

За эти три дня делали гроб, обычно из сосновых досок. Но еще в 1920-е годы была жива память о гробах-колодах³.

Похороны устраивали ранним утром (эстонцы хоронили умерших обычно к вечеру). На рассвете гроб наполняли стружками, покрывали их домотканым холстом, подушку набивали листьями от веника, паклей, иногда льном, но ни в коем случае не перьями, поскольку существовало поверье, что на том свете покойнику придется их пересчитывать. В гроб умершего перекладывали только близкие родственники.

Надежда Лайметс (1910 г. рожд.) из дер. Сатсерийна Пылваского р-на ЭССР рассказала мне, что в 1955 г. при похоронах ее свекрови в гроб положили «клубашок» шерстяных ниток с воткнутой в него иглой, под подушку — настриженные прядки чесаной шерсти и льна, поверх подушки с угла на угол «протянули» красные нитки, на ноги надели шерстяные носки, пояснив: «Она же хозяйка была, все при овцах». 75-летняя колхозница из дер. Рысна Прасковья Тоомасаар сказала, что, когда она умрет, ей в гроб положат пястку льна. В гроб клали серебряную монету, чтобы «купить место на том свете», или женщинам на булку, мужчинам на табак, а тому, кто выпивал, еще в 1940-е годы клали бутылку водки в гроб.

Из избы покойника выносили ногами вперед. Обряды, сопровождавшие вынос гроба, были разнообразны и имели свои особенности. В отдельных деревнях в этот момент мели избу и выбрасывали мусор, приговаривая: «Смерть вон!»; вколачивали в порог гвозди; рубили на пороге голову домашней птице; окуривали избу можжевельным дымом; вслед процессии, выходящей со двора, трижды махали поясом, который затем бросали через плечо назад, и т. д.

Провожать умершего собирались не только родственники, но и все деревенские жители; замыкала процессию повозка, предназначенная для покойника; ею правил кто-нибудь из близких родственников. Некогда существовал обычай украшать дугу лошади. В 1920-е годы, по рассказам информаторов, когда хоронили девушку, на лошадь набрасывали льняное покрывало с красным вытканым узором, дугу обвивали иконным полотенцем, а посередине ее вешали «полотенце невесты». Оба полотенца были богато украшены тканьем или вышивкой. В некоторых случаях в челку лошади вплетали ленты, тесьму⁴.

В похоронной процессии всегда участвовали одна или две плакальщицы; при похоронах девушки им подпевали все провожающие.

Первое прощание с умершим происходило на перекрестке деревенской улицы и проезжей дороги близ дерева, стоявшего за околицей деревни. В дер. Обиница (сельсовет Меремяэ Вырусского р-на ЭССР), по рассказам старожилов, гроб несли на руках до конца деревни, затем у придорожной сосны или можжевельника процессия останавливалась. Здесь гроб ставили на телегу (сани), а носилки (*lautsi*) составляли, прислонив к дереву. Деревья соответственно называли «сосна носилок» (*lautsipedäjä*), «можжевельник носилок» (*lautsikadaja*). Около дерева расстилали солому, на которой мыли покойника, там же клали веник, которым его мыли, стружки и щепки от гроба. Горшок из-под воды раз-

³ J. Manninen. Setude matusekommetest.— «Eesti keelu», N 1, 1924, ld. 13. Данные о колодах у сету: Ю. Трусмач. Полуверцы Псково-Печорского края.— «Живая старина», в. 1, СПб., 1890, прил. III.

⁴ I. Manninen. Указ. раб., с. 15.

бивали вдребезги у поминального дерева. В Печорском районе еще лет 30 назад у сосны, растущей за околицей дер. Чальцево, происходила церемония прощания умершего с домом. Из деревни гроб несли на носилках или полотенцах «ногами вперед». Дойдя до сосны, поворачивали гроб на 180°; ноги умершего оказывались направленными в сторону дома. Затем трижды «вздымали» гроб кверху. После того как гроб устанавливали на телегу или сани (ногами к деревне), деревенские жители, которые не шли на кладбище, трижды кланялись покойнику в ноги, целовали его и, когда процессия трогалась в сторону кладбища, бросали вслед шестью по три горсти песка или снега с криком: «Уходи уже из глаз и из памяти прочь. И оставайся на ночь там, куда тебя положат днем». От «прощального» дерева до кладбища на повозке с гробом ехали самые близкие родные умершего, его дети, старики-родители. После панихиды и прощания близких с покойным в церкви гроб закрывали крышкой и несли к могиле. Ее копали в день похорон «свойственники по крестинам» (крестники во время панихиды должны были стоять на коленях). Размер могилы измерялся шагами: 7 шагов — длину, 4 — в ширину и 6 — в глубину. Гроб опускали на вожжах, оборах, поясах, а богатые — даже на линниках (женские полотенчатые головные уборы с вытканными узором на концах). Могилу спешно зарывали («быстрее всех работ») и тут же давали копальщикам плату за работу: каждому по паре варежек с длинными «кончиками» — нитками длиной в 10—15 см, оставленными на пальцах и ладонной части. Копальщики, стоя по углам могилы, трижды перебрасывали друг другу варежки по диагонали над могилой. Поставив на могилу крест с привязанными к нему женским линником или шерстяным плетеным пояском, устраивали первые поминки. Могилу покрывали скатертью, на нее ставили еду, захваченную из дома. Привозили сюда еду и родственники из других деревень. Сначала брали по три ложечки кутьи из гороха с сытой (вода, подслащенная медом или сахаром), затем домашний сыр, вареные яйца, рыбу. От каждого кушанья часть отделяли священнику, оставшееся раздавали нищим, а у креста на могиле крошили яичко, хлеб.

Домой с кладбища возвращались обычно «боковой, или тайной» дорогой, чтобы «обмануть» смерть. Когда подъезжали к прощальному дереву близ деревни, вся процессия проходила через костер, разложенный из соломы, веника и стружек, первой — лошадь с повозкой, за ней люди. Костры, их раскладывали «мойщики» покойного, зажигают и теперь при похоронах старого человека.

Порядок прохождения через костер не всюду одинаков, об этом свидетельствует рассказ жительницы волости Меремяз, записанный в 1938 г. «В нашей деревне не так делали, как в деревне Серга. У них жгли солому, на которой мыли мертвого, когда провожающие домой возвращались. А у нас сразу: умершего провожали, мойщики несли солому и горшок, и когда гроб поставили на телегу, с умершим попрощались, то на дороге разводили огонь, разбивали горшок, все прыгали через огонь, чтобы смерть не пристала»⁵.

Дома в ожидании провожающих накрывали столы, поставленные параллельно лавке, на которой лежал покойник. На столы ставили глиняные чашки для участников поминок, а также чашечку с овсяным киселем для умершего. К краю чашечки прилепляли свечку, к чашке (иногда под скатерть) клали и ложку. Первым поминальным кушаньем и здесь была кутья из гороха с сытой. Для поминок обязательно забивали какое-нибудь домашнее животное в честь умершего (существовало поверье, что животное все равно погибнет).

По возвращении с кладбища каждый из участников процессии, входя в избу, прислонял ладони к печи — «передавали смерть и болезнь»,

⁵ А. Raadla. Eesti matmisekommete ülevaade (рукопись, хранится в фондах Гос. литературного музея им. Фр. Р. Крейцвальда в Тарту, № 394.)

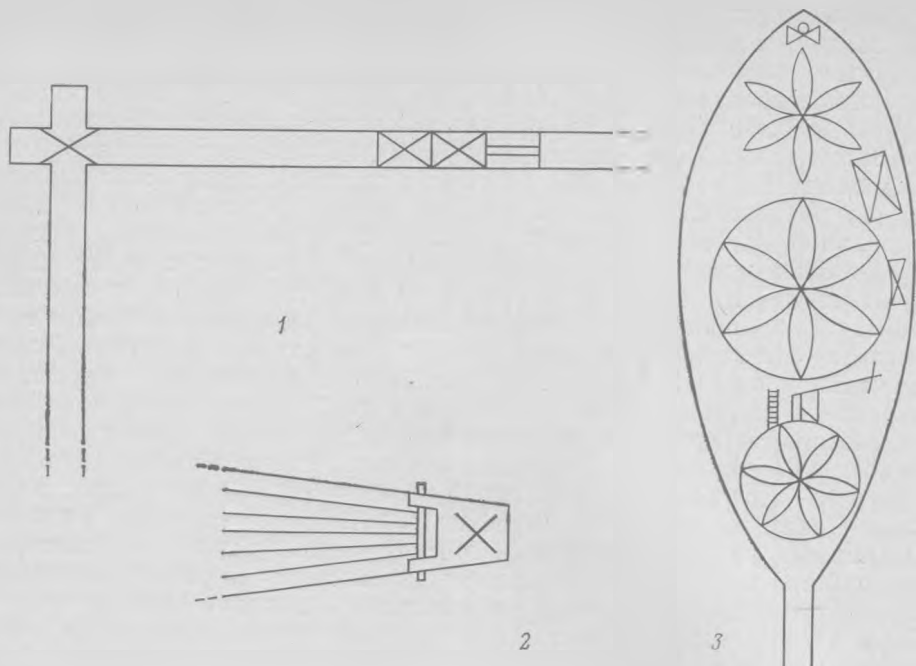

Рис. 2. Косые кресты: 1 — на пальцах вепсов Лодейнопольского р-на Ленинградской области (ГМЭ, фонд Прибалтики, 8417-97); 2 — на кантеле сету (Гос. этнографический музей Эстонской ССР, А 291 : 75); 3 — на прялке, предположительно вепской — (ГМЭ, 3651-Д)

в некоторых деревнях входящих людей окуривали можжевелевым дымом, и лишь после этого все садились за стол. Собирались здесь не только родственники, но и приглашенные из деревни старики.

Начинали поминки с кутьи (каждый брал по три ложки, поминая не только похороненного в этот день, но и всех умерших родственников семьи), заканчивали овсяным киселем.

На протяжении шести недель со дня смерти в церкви стояла чашечка с кутьей, по воскресеньям зажигали свечу, прилепленную к ней, и поминали умершего.

На 40-й день после смерти семья устраивала поминки, собирая на них близких родственников. В этот день раздавали нищим вещи умершего: линники, пояса, варежки, носки. Следующие поминки устраивали через год — «годовой стол» и в крайне редких случаях — «трехгодовой стол». Помянуть умерших не забывали в каждый праздник. Приезжая семьей в церковь, после богослужения шли на могилы, закусывали привезенной с собой едой, оставляли еду для покойника.

В погребально-поминальном ритуале сету многие магико-бытовые действия были призваны обеспечить благополучие души умершего на том свете, предотвратить посещение покойником дома, закрыть дорогу смерти, посетившей семью и деревню. Близкие также стремились заручиться помощью и поддержкой умершего. Вместе с тем в погребальной обрядности сету содержатся и такие реликтовые формы, которые, по всей вероятности, восходят к еще более отдаленным временам: способы захоронения и аналогии им отыскиваются не в обрядах соседнего населения, а у других прибалтийско-финских народов и даже народов финской группы языков. Об этих особенностях погребального обряда у сету и пойдет речь в данной статье.

Семантика предметов, которые клали в гроб, разгадана. Непонятен лишь обычай класть на подушку красные шерстяные нитки косым крестом — факт, никем еще не зафиксированный. Сами сету неотчетливо

объясняют значение ниток на подушке, смысл косога креста забыть. Анна Веревяги из дер. Мыльники Печорского р-на слышала от своей бабушки, что красные нитки — это защита от нечистого. Впрочем, подобное мнение не имеет широкого распространения. В начале XX в. старик сету на вопрос русской девушки из дер. Малы Печорского р-на ответил: «А мы и не знаем, дочка, к чему оно...». Местные русские этот обычай не соблюдали, они лишь клали в гроб медную монету, перед положением в гроб крестили подушку обычным крестом.

Красные нитки оставили след и в фольклоре сету. В 1903 г. Я. Хуртом был записан плач вдовы:

«И если бы знала я, что ты собираешься умирать,
Сшила бы я тебе могильные рубахи,
Связала бы я могильные носки,
Сделала бы тебе могильный линник
И — накрест положила бы рижские нитки...»⁶

Эстонские крестьяне, судя по имеющимся источникам, нитки на подушку не клали. А среди соседнего прибалтийско-финского населения сходный обычай зафиксирован у води дер. Пески Ленинградской области (Кингисеппский р-н). Здесь подушку, которую клали под голову умершего, вышивали кумачовыми нитками крупными стежками, располагая их косым крестом, как у сету⁷.

В качестве гипотезы красные шерстяные нитки на подушке можно рассматривать как символ жертвоприношения, исчезнувшего или трансформировавшегося во времени. Следы жертвоприношения проступают в распространенном в прошлом у эстонских крестьян обычае забивать по случаю смерти хозяина или хозяйки крупный рогатый скот. В первой половине XIX в. при выносе покойника на пороге жилища резали петуха или курицу⁸. Считалось обязательным резать животное «в честь покойника» и у сету. Обычай этот восходит, по-видимому, к I тысячелетию н. э.⁹ Сами сету не помнят, как поступали с кровью убитого животного, никаких данных не содержат и источники, и только привлечение сравнительного материала до некоторой степени подтверждает предположение о том, что красные шерстяные нитки символизировали кровь принесенного в жертву животного.

У води еще в 1930-е годы был известен обычай выплескивать на стенку дома, обращенную во двор, кровь убитого по случаю похорон животного (овцы, теленка)¹⁰. У обских угров до последнего времени сохранялся обычай на следующий день после смерти члена семьи резать оленя или какую-нибудь птицу и их кровью мазать надгробье¹¹.

В основе этих, уже пережиточных обрядов лежат, по-видимому, очень древние представления и ассоциации, в которых еще много неясного, однако можно полагать, что связь «умерший — свежая кровь» (ритуальное убийство) была настолько существенной в погребальной обрядности, что в рудиментальной форме она сохранилась у води и сету в виде красных ниток под головой умершего вплоть до первой половины XX в.

⁶ J. Hurt. Setukeste laulud. V. III. Helsingis, 1907, s. 248. (Рижские нитки — фабричная пряжа, заменившая в конце XIX в. пряжу домашнего изготовления для узорного тканья.)

⁷ P. Ariste. Vadjalane kätkest kalmuni. Tallinn, 1974, s. 17.

⁸ A. Raadla. Указ. раб., с. 71, 72.

⁹ Несожженные кости животных находят в курганах с трупосожжениями на севере территории сету. См. М. Аун. Курганный могильник у дер. Рысна-Сааре. — «Известия АН ЭССР, обществ. науки», 1978, № 27/1, с. 88.

¹⁰ E. Päss. Death, burial and life beyond the grave with the Estonian and the Votes. — «Opetatud Eesti Seltsi Aastaraamat, 1937», № II, Tartu, 1938, s. 209.

¹¹ З. П. Соколова. Пережитки религиозных верований у обских угров. — «Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX века», Л., 1971, с. 228, 235.

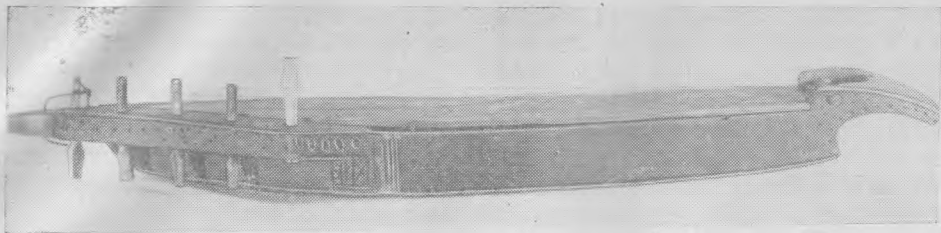

Рис. 3. Карельское кантеле 1698—1699 гг. (Финский национальный музей в Хельсинки, КМ 731)

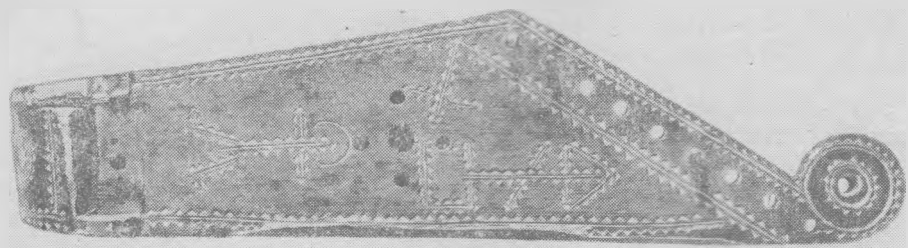

Рис. 4. Карельское кантеле XIX в. (Финский национальный музей, КМ 849 : 1193)

Знаменательно, что косой крест при погребении у сету и соседних прибалтийско-финских народов изображается не только на подушке. У воды, например, за поминальным столом первый кусок или ложку с едой брали только по диагонали через стол, как бы «крестя» его косым крестом, а затем уже начинали есть¹². При этом избегали класть ноги на крестовину стола, прикосновение к которой во время поминок, очевидно, предвещало несчастье или смерть¹³. У сету существует поверье, что копальщик, который не поймает варежки в момент переброски их над могилой, когда ее замыкали косым крестом, вскоре умрет. О связи косого креста и смерти сообщает И. Тынурист. У сету и литовцев существовало поверье, что игрой на кантеле — древнем музыкальном инструменте — можно отогнать смерть. В Государственном музее этнографии ЭССР хранятся экземпляры сетуских кантеле; на них прорезью по дереву изображен косой крест: 1) на узком конце (щечке), где расположен струнодержатель, 2) на открылке, 3) под открылком (крест усложнен квадратом и треугольником). Вряд ли кресты, расположенные на этих частях кантеле, играли роль декоративных украшений (под открылком...), назначение их было иным, очевидно магическим. Таково же расположение крестов и на карельском кантеле XVII в. Схематическое изображение сруба и могильного креста на карельском кантеле XIX в. — это также символ смерти, но выполненный уже в духе официального православия. Любопытны в этом отношении прялки вепсов и карелов с резным орнаментом, хранящиеся в Государственном музее этнографии народов СССР. На них процарапаны маленькие косые кресты, никак не сочетающиеся с основным орнаментом. Такие же кресты вырезаны на рамках деревянных пялец вепсов Ленинградской обл. Возможно, эти крестики прорезались в память об умершей владелице пялец или прялки. Точнее расшифровать этот знак затруднительно из-за отсутствия собственного народного толкования. Косой крест был неза-

¹² E. Pass. Указ. раб., с. 236.

¹³ D. Tsvetkov. Vadja sünni-, pulma- ja matusekombeid.— «Eesti hõlm», № 4, Tartu, 1932, lk. 54.

Рис. 5. Зброшенне кладбище в д. Кургиэво Кемского р-на Карельской АССР

метен, не связан с основным орнаментом, случаен, вследствие этих обстоятельств он до сих пор и не привлек внимания исследователей¹⁴.

Вплоть до конца XIX в. в погребальной обрядности сету и соседних юго-восточных эстонцев можно обнаружить такую связь: погребение — дерево — ритуал жертвоприношения¹⁵. В начале XIX в. в Выруском уезде, по сообщению Фр. Р. Крейцвальда, процессия, провожавшая на кладбище покойника, останавливалась у дерева, где все угощались вином, затем родственники, обвязав ствол дерева синими, красными и желтыми нитками, вырезали на нем крест¹⁶. Этого обычая придерживались в Вырумаа до конца XIX в., а в самом восточном приходе, Пылва,— вплоть до 1930-х годов. Красная пряжа, которой обвязывали ветви дерева и ствол при похоронах, символизировала, очевидно, животное, приносимое в жертву умершему¹⁷.

¹⁴ Ю. Курфельд-Ханко в статье о колдовских знаках у эстонцев приводит в качестве защитительного знака, широко распространенного у крестьян, обычный крест и как исключение отмечает известие из Печорского района (дер. Лазарево): «Обычный крест на палке означает несчастье; некоторые боятся брать такую палку в руки» (*J. Kurfeldt-Hanko. Noiamärkidest.*— «Eesti Kirjandus», 1938, № 8—9, s. 404). Сходный знак в близком значении обнаруживается на крайнем северо-востоке Сибири. У юкагиров в ликтографическом письме знак креста (X) означает горе и грусть (*С. В. Иванов. Скульптура народов севера Сибири XIX — первой половины XX в. Л., 1970, с. 520—525, рис. 86, 1, 2*). Близко к этому значению креста у сету, води, вепсов и карелов. Он, очевидно, символизировал смерть, несчастье и одновременно память об умершем (на кантеле, крестовине стола, на пряхках и пяльцах вепсов), знак несчастья — крест на палке в дер. Лазарево со смешанным сету-русским населением, предзнаменование смерти, если копальщик не поймал варежки, и т. д.

¹⁵ В юго-восточной Эстонии и у сету характерное для древних финноязычных народов почитание деревьев сохранялось долго. Так, например, у крестьян Ряпина в конце XIX в. существовал обычай в определенные дни испрашивать благодати для скота. На ветви рябины при этом вешали шерстяные нитки красного цвета, пучки кудели и т. д., олицетворявшие жертвоприношение покровителю скота (*М. J. Eisen. Eesti vana usk.*— «Eesti mütoloogia», № IV, Tartu, 1926, lk. 291).

¹⁶ *J. W. Boecler, Fr. R. Kreuzwald. Der Ehsten abergläubische Gebräuche, Weisen und Gewohnheiten. St.-Petersburg, 1854, S. 69.*

¹⁷ *A. Viires. Puud ja inimesed. Tallinn, 1975, lk. 21.* Кресты на коре дерева (в память ли умершего, для пресечения ли блуждания его души) во время похоронного шествия — достаточно широко распространенное явление среди прибалтийско-финского населения. «Крестовые сосны» имелись в старину в конце каждой деревни финнов,

Вырезание крестов на коре дерева у юго-восточных эстонцев — сравнительно позднее явление. Ранее на дереве оставляли другой знак в память смерти близкого человека. Как пишет Ф. Юнг, в юго-восточных приходах Пылва и Вастселийна в 1870-е годы у дерева, к которому приносили гроб, заламывали ветви, а в случае похорон хозяина делали зарубки на его комлевой части¹⁸. Но и этому обряду предшествовал более ранний. В 1673 г. Иоганн Бранд слышал от пастора Вастселийна, что эстонские крестьяне, желая увековечить память о хорошем хозяине, вырубали топором в дереве, стоящем у дороги в церковь, длинную продольную щель, в которую вставляли палку в рост умершего. Верхний конец мерки расщепляли, туда просовывали поперечную щепку, получался крест, на который навязывали красные и синие шерстяные нитки¹⁹. Бранд этот обычай (видимо, со слов пастора) объясняет так: родственники умершего, которые сами ходят в церковь не часто, хотят, чтобы мерка, соответствующая росту умершего, постоянно напоминала проходящим людям о покойнике.

У сету не сохранилось воспоминаний о врезании мерки-креста, не обвязывали они ветви дерева шерстяными нитками, но рудиментом этого обычая можно считать шерстяной поясok невесты, который оставляли на ветви прочальной сосны при похоронах девушки²⁰. Сохранился у сету другой обычай, отмеченный в XVII в. Брандом: перед гробом ехал кто-либо из ближайших друзей покойника на лошади и вез деревянный крест, к которому лентами был прикреплен наподобие флага линник, «на господский манер», как объясняли сами крестьяне. Видимо, линник раньше был атрибутом каждого похорон, но в начале XX в. обычай изменился — на крест вешали линник только при похоронах женщины, а при похоронах мужчины — пояс. (В настоящее время, если и вешают поясok, то на любой могильный крест). Линники в первой половине XX в. после похорон жертвовали церкви.

Обычай украшать крест на могилах был широко распространен и у других народов прибалтийско-финской группы. У води крест обвивали тесьмой, пряжей или полосками кожи²¹. У ижорцев и карелов на крест вешали носовые платки, расшитые желтыми, голубыми или красными нитками²². На заброшенных кладбищах вепсов в Бокситогорском районе Ленинградской области до сих пор можно видеть кусты можжевельника, на сучках которых висят разноцветные тряпочки, тесьма, шерстяные нитки²³.

У сету существует ряд примет, связывающих дерево и жизнь человека. Увидеть во сне падающую сосну — к смерти выдающегося человека. Засохла близ дома ель — умрет хозяин. Но самым знаменательным, на наш взгляд, является исключение, которое допускалось по отношению к некоторым самоубийцам. У сету, как и у всех православных, самоубийство считалось великим грехом, самоубийц никогда не поминали. И лишь тех, кто повесился на суку дерева, поминали один раз в году — на Спас, когда снимали яблоки²⁴.

карелов, ингерманландцев Ленинградской области (Э. А. Вольтер. Крестовые сосны (*ristipetäjä*). К вопросу о некроulte у финских народностей.— «Живая старина», 1915, прил. № 3) М. Эйзен в 1885 г. в Ингерманландии видел поблизости от церкви Лембола сосну, в ствол которой было вбито множество гвоздей. Поверх гвоздей — вырезанные в коре кресты или другие знаки, «преграждающие покойникам путь домой» (М. Eisen. Esivanemate ohverdämised. Tallinn, 1920, S. 51).

¹⁸ См. А. Raadla. Указ. раб., с. 62.

¹⁹ J.-A. v. Brand. Reysen durch die Marck Brandenburg, Preussen, Churland, Liefland, Plesscovian, Gross-Naugardian, Twerien und Moscovien. Wessel, 1702.

²⁰ I. Manninen. Указ. раб., с. 16.

²¹ E. Pass. Death, burial and life beyond the grave with the Estonian Ingers and the Votes.— «Opetatud Eesti Seltsi Aastaraamat», 1937, № 11, Tartu, 1938, S. 233.

²² Там же.

²³ Сообщение сотрудника Ин-та истории АН ЭССР Х. Пусс.

²⁴ В. Пино. Материалы 1947 г., собранные в дер. Тоня сельсовета Вярска Пылва-

Представления, связывающие дерево и жизнь человека, по-видимому, восходят к той ранней дохристианской стадии верований у прибалтийско-финского населения, когда дерево считалось вместилищем душ.

К предкам юго-восточных эстонцев восходят и отдельные элементы существовавшего до недавнего времени у сету погребального ритуала.

Так, важную роль в похоронном обряде играли носилки, на которых покойника несли из деревни.

Функции носилок у сету, как и слова, образованные от их названия, многозначны:

1) мойщики клали одетого в смертную одежду покойника на носилки-лаутси, покрытые соломой (*lautsi õled* — «места солома»);

2) на носилках гроб с умершим несли до конца деревни;

3) место, куда сносили солому, веник и горшок из-под воды, которыми мыли умершего, также называли лаутси;

4) термин *лаутси* становился определением в сочетании с названиями прощальных деревьев, под которыми оставляли носилки — лаутси сосна, лаутси можжевельник (*lautsipedäjä, lautsikadaja*);

5) у прощального дерева разбивали горшок и разжигали костер (на *лаутси*);

6) к прощальному дереву и носилкам приносили куриное яйцо («чтобы умерший мог поесть, когда придет на лаутси»²⁵).

После похорон носилки оставляли около дерева или неподалеку от дома до полного разрушения. Касаться красной шерстяной пряжи на ручках носилок строжайше запрещалось; верили, что нарушившего запрет ожидает проклятье умершего²⁶. Эту пряжу снимали в случае крайней необходимости для лечения разных опухолей и воспалений. Лечебными считались и доски носилок: сету верили, что массаж или придавливание этими досками больного места дает лечебный эффект, превосходящий действие любого дорогостоящего лекарства²⁷.

Имеются краткие сведения о погребальных носилках у других прибалтийско-финских народов. У води их изготовляли из двух широких досок, на которые набрасывали солому и клали подушку, набитую стружками от досок гроба. На этих носилках умерший лежал три дня²⁸. У ижорцев «каждый двор изготовляет свои носилки из двух поставленных рядом досок»²⁹. Известны они и волжским финнам. Марийцы выносили покойника во двор на лубках и клали его в чистое место, подстилая солому. Во время похорон у марийцев доски носилок клали поверх гроба и зарывали в могилу³⁰. У мордвы гроб несли на кладбище на специальных носилках, которые оставляли на могиле³¹.

Из приведенного материала следует, что у сету носилки-лаутси играли большую роль с начала погребального обряда до часа прощания с деревней и деревенским обществом. Сохранившаяся кое-где вера в то, что душа умершего придет именно сюда, на лаутси (т. е. лаутси подменяло понятие могилы на церковном кладбище), амбивалентное значение носилок, наконец, сжигание около прощального дерева соломы —

ского р-на ЭССР.— «Ин-т языка и литературы АН ЭССР, сектор диалектологии», ККИ МТ XIX, с. 76.

²⁵ А. Raadla. Указ. раб., с. 61 (данные конца XIX в.).

²⁶ O. Looits. About the religious concretism of the Setukesians.— «Suomalais-ugrulaisein Seuran Aikakauskirja», № 61, Helsinki, 1959, p. 45. В южной Эстонии носилки выносили из дома, как только умершего клали в гроб; верили, что, если оставить носилки в доме, семью посетит смерть (А. Raadla. Указ. раб., с. 34).

²⁷ O. Looits. Указ. раб., с. 45.

²⁸ E. Päss. Указ. раб., с. 223.

²⁹ Там же, с. 206.

³⁰ В. М. Васильев. Материалы для изучения верований и обрядов мари. Краснококшайск, 1927, с. 67, 75.

³¹ Т. П. Федянович. Традиционные семейные обряды мордвы. Автореф. канд. дис. М., 1974.

все это дает основание предполагать, что существует определенная связь между носилками-лаутси и древними формами погребения.

Данные археологических исследований на территории, заселенной сету и соседними с ними народами, относятся к концу I — началу II тысячелетия. Полностью восстановить погребальную обрядность, сложившуюся у сету в последующие столетия, не представляется возможным. Единственной «нитью», соединяющей конец II тысячелетия и его начало, на наш взгляд, является костер, обязательный у сету при каждом похоронах. Сами жители объясняли проезд через костер на обратном пути с кладбища тем, что следует себя «очистить» от соприкосновения с умершим. В конце XIX в. присматривались и к дыму от зажженного костра: если дым шел в сторону деревни, считали, что смерть снова унесет кого-то из ее жителей. Знаменательно известие о том, что после прощания с умершим и ухода жителей деревни родственники, прежде чем ехать на кладбище, разбивали на костре из соломы горшок, а затем проезжали и перепрыгивали через костер, «чтобы смерть не пристала». В данном варианте провожающие «отстранялись» от покойника еще до погребения со священником, словно здесь оно и было совершено.

Очищение огнем при погребении умерших широко известно и у прибалтийско-финского населения (водь, ижорцы), и у волжских финнов (мордва), и даже у обских угров. Некоторые исследователи видят в этих действиях отголоски обряда трупосожжения³². Весьма вероятно, что и у сету обрядовые действия с носилками и костром при проходах умершего сохранились как пережитки некогда распространенного у их предков трупосожжения³³.

По свидетельству М. Аун, которая занимается раскопками курганных могильников конца I тысячелетия н. э. близ северных деревень сету Лассина и Рысна-Сааре, захоронения производились преимущественно после сжигания покойников в стороне от кургана. Если в костер, предназначенный для сжигания умершего, и бросали солому и носилки, на которых приносили покойника к кургану, то они, естественно, сгорали дотла³⁴. Допустимо предположить, что от древнего ритуала у сету надолго сохранились костер из соломы и обычай разбивать горшок на костре, но в силу неизвестных нам причин носилки от огня «уцелели» и даже приобрели магическое значение.

Древним обычаем являются и поминки — пережиток культа предков. Дни поминовения у сету были те же, что и у русских крестьян: троичская суббота (посещали могилы с яйцами, окрашенными листьями березы в желтый цвет), радуница (на могилы несли яйца красного цвета, сыр, масло, творог), дмитриевская суббота (на могилы шли со свежей бараниной). Поминальная кутья у двух рядом живущих народов — сету и русских — различалась. Сету приготавливали кутью из разваренного гороха с сытой, русские — из разваренных зерен пшеницы с сытой. Горох с сытой служил кутьей и у православного финноязычного населения Северо-Запада — води, ижор, карелов.

Сету — восточная группа вырусских (юго-восточных) эстонцев — значительно дольше сохраняла этническое своеобразие, чем эстонские кре-

³² Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961, с. 78; Е. Орик. *Vadjalastest ja isuritest XVIII sajandi lõpul*. Tallinn, 1970, lk. 160.

³³ «Ритуал очищения огнем площадки, предназначенной для сооружения кургана, — пишет В. В. Седов, — сохраняется в Псковской земле и в XI—XII вв., когда на смену кремации умерших приходит обряд трупоположения» (В. В. Седов. Длинные курганы кривичей. М., 1974, с. 37).

³⁴ Уникальная находка в Старой Ладогe (дер. Малая Чернавина) свидетельствует о древности носилок. В кургане IX в., раскопанном ленинградским археологом Е. Носовым, были обнаружены семь носилок из жердей и досок. Е. Носов воздерживается от определения этнической принадлежности населения, оставившего этот курган, однако невозможно отрицать существование известного финно-угорского субстрата на этой территории (данные присланы автору Е. Носовым). Краткую информацию и описание носилок см.: «Археологические открытия 1973 г.». М., 1974, с. 23, 24.

стью из пограничных с Псковщиной приходов (Вастселийна, Ряпина). По литературным данным XVII — начала XIX в. (И. Бранд, И. Хр. Шлегель, Ф. Р. Крейцвальд) выявляется сходство в деталях похоронного обряда сету и юго-восточных эстонцев в этот период, однако начиная с середины XIX в., а может быть и раньше, у крестьян Вырусского уезда Лифляндской губернии реликты культа предков и погребальная обрядность, пронизанная языческими верованиями, постепенно исчезают. Развитие капиталистических отношений в связи с выкупом хуторов, воздействие лютеранской церкви, распространение грамотности, изменения в общественной жизни и быту эстонских крестьян во второй половине XIX — начале XX в. не оставляли места для старинных обрядов, имевших магическое значение.

У сету Псковской губернии древние обряды и верования сохранились в силу особенностей их социально-экономического положения. У них вплоть до 1920-х годов существовало общинное землепользование с архаическими формами ведения хозяйства. Капиталистические отношения развивались медленно, население было сплошь неграмотным. Православная церковь оказывала на сету здесь лишь поверхностное влияние. В результате у них стойко удерживались древние верования и обряды, а также фольклор, в частности причитания — древнейший жанр эстонского поэтического творчества³⁵. Древние мелодии сетуских причитаний содержат сходные черты не только с карельскими и ижорскими, но и с мордовскими причитаниями³⁶.

Сету издавна жили рядом с русскими, у которых также сохранялись некоторые рудименты дохристианских верований и обрядов. Однако при сравнении погребальных обрядов двух рядом живущих народов выявляются этнические особенности как тех, так и других.

Интересно определяют в настоящее время эти различия сами русские. Так, 97-летняя Евдокия Славина из дер. Куксино сельсовета Меремяэ Вырусского р-на ЭССР сказала о сету: «Они веру больше держат, чем русские, о предках так стараются...». И далее перечислила элементы погребального обряда у русских, отличающиеся от сетуского: 1) в гроб русские не кладут ни шерсть, ни лен, подушку не крестят красной ниткой; 2) покойника моют в сидячем положении на скамейке, «постельную» солому сжигают в огороде, иногда «на крестах» (любое пересечение дорог), после выноса гроба только моют пол в избе; 3) копальщикам (назвала их ямщиками) дома, за поминальным столом, дарят «деннички» (варежки), «точиво» на портянки или полотенца, через могилу они их не перекидывают (отметила и разницу в варежках — сету оставляют длинные «конечки» — нитки длиной в 15 см, а русские их прячут или оставляют «конечки» длиной в 5 см); 4) русские делают кутью из пшеницы или ржи с сытой, сету — из гороха с сытой; русские реже поминают покойников на могилах, сету ходят на могилы с едой в каждый праздник.

В погребальной обрядности сету далеко еще не все поддается объяснению; заключения автора нуждаются в подтверждении или опровержении новыми фактами. Недостаточны и сравнительно-исторические данные по обрядам погребения у соседних народов.

«Могильные сооружения и погребальные обряды восточной группы прибалтийских финнов, — пишет эстонский археолог С. Лаул, — еще очень слабо изучены. Погребальные памятники предков карелов, ижоры, води и вепсов до начала II тысячелетия н. э. науке по сути дела неизвестны»³⁷. Небогат материал по погребальным обрядам перечисленных

³⁵ U. Kolk. Setu surnuitkud. Läänemeresoome filolooga sümposion, teesid. Tallinn, 1973, lk. 76.

³⁶ Там же, с. 77.

³⁷ «Погребальные памятники прибалтийских финнов в I тысячелетии н. э.» — «Вопросы финноугроведения», в VI, Саранск, 1975, с. 381.

народов и в период феодализма. Но и те немногочисленные сведения, которые доступны, свидетельствуют о параллелизме и аналогиях в погребальных обрядах сету, води, ижор, вепсов, карелов, о сходстве дохристианского слоя обрядов и верований у восточной ветви прибалтийских финнов.

К сходным чертам в погребальном обряде могут быть отнесены:

колоды, в которых длительное время, вплоть до XIX в., хоронили умерших (у эстонцев северной и западной Эстонии переход к захоронению в дощатых гробах произошел раньше, в XVI в. хоронили уже только в гробах)³⁸;

следы принесения в жертву животных в честь умершего и как последующая ступень в развитии обряда — красные шерстяные нитки в виде косоугольного креста на подушке (сету, водь), на ручках носилок (сету); красная шерстяная пряжа или пояс, сплетенный из шерсти, оставившиеся на ветвях прощальных деревьев (вырусские эстонцы, сету, карелы, вепсы), позднее, в первые десятилетия XX в., расшитые разноцветными нитками предметы из текстиля, которые вешали на могильный крест;

особая роль, отводившаяся дереву в церемонии, сопровождавшей погребение: обламывание ветвей и стесывание ствола у юго-восточных эстонцев; щель в дереве с вставленной меркой умершего; «крестовые» сосны у карелов, води, ижор, вепсов, церемония прощания с умершим около сосны у сету. Обязательное включение прощального дерева в погребальную обрядность, по всей вероятности, отражает ту отдаленную эпоху, когда восточными прибалтийско-финскими племенами дерево осмысливалось какместилище души;

носилки, изготавливаемые для каждого похорон (сету, водь, ижора) как обязательный атрибут погребального обряда, косоугольный крест (сету, водь, карелы) — древний магический знак, символизирующий и смерть, и грань между смертью и жизнью, и память об умершем, и оберег;

поминальная кутья из гороха с сытой.

Комплекс проблем, связанных с погребально-поминальным обрядом сету, весьма сложен. В предлагаемой статье некоторые из них лишь намечены и потребуют дальнейшей разработки с привлечением более широкого сравнительного материала. Но и те этнографические факты, которые здесь изложены, представляют, возможно, интерес для исследователей, занимающихся вопросами этнической истории финноязычного населения северо-запада и юго-востока Эстонии.

³⁸ A. Lavi. Paganlike matmistraditsioonide püsimisest Eestis 13—18 saj. (Рукопись хранится в Ин-те истории АН ЭССР.)